

prof. Marina A. Kukartseva (M.A. Кукарцева)
Akademia Dyplomatyczna MSZ FR
mkukartseva@gmail.com

TERRORYZM JAKO ZJAWISKO SPOŁECZNO- -POLITYCZNE I PSYCHOLOGICZNE

TERRORISM AS A SOCIO-POLITICAL AND PSYCHOLOGICAL PHENOMENON

Streszczenie: W artykule terroryzm jest rozpatrywany jako socjologiczno – polityczno – psychologiczny fenomen. W kontekście uwypuklone zostały zasadnicze różnice pomiędzy terrorem i terroryzmem. Usystematyzowane zasadnicze parametry kompleksu psychiczno mentalnego terrorysty, rozważona zmiana indywidualnego zachowania jako psychologiczny mechanizm generowania konfliktów.

Słowa kluczowe: terroryzm, terror, indywidualne zachowanie, biopolityka, psychopolityka.

Summary: The article considers terrorism as a socio-political and psychological phenomenon. In this context, the fundamental differences of terror and terrorism are revealed and the key parameters of a terrorist's psychomental complex are schematized. Schismogenesis is considered a psychological mechanism for conflict generation.

Keywords: terrorism, terror, schismogenesis, biopolitics, psychopolitics.

Феномен терроризма вырос из вполне объяснимого желания человека преодолеть страх, нейтрализовать нависшую над ним опасность. Ведь человека, живущего в постоянном страхе, неизбежно ждет распад личности и перед лицом такой перспективы в нем автоматически начинает разворачиваться защитная психологическая реакция, провоцирующая ответное насилие. Это насилие, в глазах не только самого террориста, но и тех (нередко массовых) общественных групп, которые его поддерживают, является хотя и ужасным, но все-таки морально оправданным, легитимным, делом (Atiles Osoria, 2012, s. 127–142; Mackerras, 2014, s. 247–250; Kibaroglu, 2014, s. 209–216). Ведь оно – месть за долготерпение, сигнал того, что «мы еще есть, мы еще не побеждены, сила за нами». Такое насилие часто оборачивается *террором*, примерами которого изобилует история: от «священного» террора революций до «пламенной» интифады.

Однако нарастающая избыточность, криминализации террора породили его аватару – *терроризм* как образ жестокости вообще. Идеология терроризма основана на шмиттовском принципе антагонизма: бинарная оппозиция друг и враг. Чистая война. Люди опасны друг для друга, страх более силен, чем любовь, солидарность основана на насилии. В отличие от террора, стремящегося избавиться че-

ловека от страха, терроризм стремится заставить всех жить в страхе. Он нацелен не на свободу и равенство, а на смерть и страх, на уничтожение «Другого», на то, чтобы жизнь в страхе стала не просто привычной, но даже желанной для человека. В качестве примера такого насилия З. Бауман, например, видит так называемый «диаспоральный терроризм», где речь идет о трудностях интеграции и аккумуляции арабо-мусульманских мигрантов в культуру христианских стран Европы. «Традиционно мигранты стремились к интеграции в принимающее их сообщество, тогда как сегодня их особо не принуждают отказываться от собственной идентичности, что подпитывает новые виды террора»¹. С обеих сторон возникает желание заставить Другого жить в соответствии с собственными представлениями о фундаментальных ценностях жизни, что для одной стороны можно сделать авторитарно, следуя стратегии запретов, а для другой — насильно, следуя стратегии террора и страха. В последнем случае насилие, характеризующееся растягиванием социального и физического пространства, где смерть наступает повсюду, и дисперсией времени смерти, которое невозможно предугадать, становится истинным пространством политического как *условия возможности* политики (Jay, 2003; Townes, 2011; Armbost, 2011, Davies, 2011). Но тогда главной задачей первой стороны становится снижение рисков агрессии против живущего индивида, культивирование этоса предосторожности и безопасности.

В связи со сложившимися обстоятельствами претерпели существенные изменения некие важные антропологические ориентиры пространства политического и реальной политики. Как следствие возник конфликт между желанием каждого нормального человека в условиях тотального уничтожения людей, спасти всех без разбора (друзей, врагов, соседей), и желанием спасти не конкретных людей, а *политическое и моральное основание* человека вообще. Что важнее: жизнь вообще как биологический феномен или жизнь справедливая? Вальтер Бенджамин в своем эссе о насилии и праве рассмотрел одну из фундаментальных дилемм западного образа жизни: «Эта теорема заключена в положении, согласно которому всякая жизнь священна. ...если я не пойду на это убийство, мне никогда не создать на земле царства справедливости, думает интеллигент-террорист. Что же касается нас, (простых европейцев — М.К.) то мы проповедуем, что выше счастья и выше справедливости кого-нибудь, стоит существование само по себе» (Benjamin, 2000, s. 240). Не в последнюю очередь появление этой дилеммы связано с абсолютизацией особенно западным миром биополитической парадигмы общественного бытия (Агамбен, 2011).

Следует ли из этого, что террор есть своего рода экзистенциальный и психологический выбор? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно понять терроризм как бы «изнутри» его самого, рассмотреть его как социо-психологический феномен.

В мировых исследованиях психологии терроризма особого, на мой взгляд, внимания заслуживают, кроме нестареющей книга Э Хоффера «Истинноверующий», чрезвычайно суггестивные размышления О. Алексеева и А. Пятигорского

¹ «Диаспоральный терроризм»: репортаж Вероники Пехе Мемориальная лекция Зигмунда Баумана в Венском музее 8 апреля 2015 года — т.н. «лекции Яна Паточки.

о психополитике, изложенные ими в книге «Размышляя о политике» (Алексеев, Пятигорский, 1998, s. 144–146; Концена, 2011; Бшхаддам, 2011). Последние полагают, что террорист – это носитель схизмогенеза как процесса изменения норм индивидуального поведения, возникшего в результате накопленного деструктивного взаимодействия индивидов². Выделяют две модели схизмогенеза – дополнительный (например, настойчивость и уступчивость как типы деструктивного поведения. Встречаясь друг с другом, они неизбежно ведут к расколу отношений). Симметричный схизмогенез (А относится к В, как В к А, например, как социальная структура относится к человеку, так и он к ней), так же является источником разрушения. Один раз случившись, схизмогенез непреодолим, он основан на принципиальной неконтролируемости такой психической реакции. Основываясь на этом, Алексеев и Пятигорский выявляют элементы психоментального комплекса террориста:

- Террористы осознают что они делают, но не понимают, что они – носители схизмогенеза. Они думают, что они – нормальные люди, занимающиеся как солдаты на войне, «нормальным убийством»: приказу, а из-за собственных психических проблем³.
- Стремление к гласности и широкому оповещению является императивным инструментом энергетизация психики террориста.
- Террористам свойственно особое отношение к смерти, «абсолютное подчинение». Террористы не различают в себе сознание и психику, они отличаются нулевой степенью рефлексии, в результате – свойственное им тяжелые психические aberrации, понимаемые как уклонение от логики, ошибка в ходе мысли. Подобные психические aberrации могут быть вызваны ритуальными церемониями, галлюцинациями, преувеличениями, визуальной образностью, гипербостренностью восприятия, представлять собой скрытые желания и фантазии, выражение бытовых страхов и фантазий. Можно выделить четыре вида психических aberrаций, каждая из которых объясняет определенный «срез» мотивации терроризма: неспособность строить планы на будущее и реализовывать свои внутренние ресурсы. (боязнь взрослых, консерватизм); негативизм – сознательное обретение отрицательного жизненного опыта, страдание; ; социальная отчужденность личности, недоверие, тревожность, самоизоляция, отказ от общения; ситуативная оп-позиция: презрительное и враждебное отношение к ролям, позициям, формам поведения, разделяемых другими людьми.

² Термин «схизмогенез» предложен антропологом Г. Бейтсоном.

³ Отдельный вопрос, требующий особого рассмотрения – формирование армии на добровольческой основе и, следовательно, массовых случаев убийства на этой основе, например, гражданские войны или нацисты всех мастей во Второй мировой войне. При этом психика комбатантов необратимо деформируется и в реакционных армиях, и в армиях прогрессивных. Различия заключаются только в базовой мотивации: у нациста, который сжигал «неполноценных» не только по приказу, но и к своему удовольствию и тех, кто убивал нацистов, освобождая свою родину, они кардинально отличны.

Деятельность террориста, отмеченная подобными абберрациями, замыкается на факте уничтожения другого живого существа так, что происходит отрыв сознания или обрыв биографии террориста. Его личное время стремится к нулю- моменту совершения теракта, а пространство сужается до сингулярного состояния. При этом террорист – человек, ему страшно, фото плачущего террориста-смертника, бойца ИГИЛ (запрещенной в России организации), обошли все мировые СМИ. Но самоубийца рассматривается его «соратниками» как мученик, его смерть не есть результат слабости и эгоизма, а напротив,- подвиг. Наибольшее количество терактов совершили во всем мире террориста-самоубийцы из организации «Тигры освобождения Тамил Илама». «Черные тигры» воспринимают себя как «бескорыстных мучеников». Они умирают не для вознаграждения в потустороннем мире, а для достижения независимости тамильского государства. Они «должны умирать». Смерть во имя народа делает им «честь» и они продолжают жить в воспоминаниях своего народа. Мертвые члены организации почитаются как герои, им посвящаются специальные коммеморативные мероприятия.

С психологической точки зрения *терроризм вообще «есть крайний случай социальной манифестации психических изменений»*, а современный террорист – «это субъект измененного, негативного психического состояния, наблюдаемый в момент совпадения этого состояния со схизмогенезом» (не обязательно индивидуальным) (Алексеев, Пятигорский, 1998). Важно понимать, что *террорист – это психотик, психологически склонный к убийству*. Есть множество психически нездоровых людей, которые к убийству не склонны, а подавляющее большинство людей, к убийству склонных (политики, например) не являются психотиками.

Потенциальные носители психоментального комплекса террориста образуют, «терроропроизводящий контингент», который часто является феноменом синергетическим, самоорганизующимся, мобилизуется самостоятельно. Сегодня увеличивается пространственная размытость социальных структур. Они становятся неопределенными, усиливается их симметрия в отношениях с этосами коллективного и индивидуального поведения. Сжимается и концентрируется социальное время, в результате чего социальные процессы протекают быстрее и интенсивнее. В них участвуют сразу несколько структур, так что возникает феномен «социальной суперструктуры», порождающий «конфликт идентичностей». Добрососедских отношений больше нет, его место занимает феномен «доморощенного терроризма» (Brucbaker, 2004).

Соображения идентичности провоцируют формирование «спирали молчания». Э. Нойэль-Нойман, выявившая феномен спирали молчания, рассмотрела его, в том числе и на примере рассуждений А. де Токвиля об истории Французской революции. В частности, о падении французской церкви в середине XVIII в., приведшее к тому, что презрение к религии стало тогда всеобщей и господствующей страстью среди французов. «Люди, придерживавшиеся прежней веры, боялись оказаться в меньшинстве, преданных своей религии. А поскольку изоляция страшила их более, чем ошибки, то они присоединялись к большинству, не изменяя своих мыслей. Взгляды одной лишь части нации казались мнением всех и именно

поэтому вводили в неодолимое заблуждение как раз тех, кто был виной этого обмана” (Ноэль-Нойман, 1996, s. 86).

Никто же, в самом деле, не считает, что, население, например, Северного Кавказа, Сирии, Афганистана или Пакистана сплошь состоит из террористов или представляет собой «терроропроизводящий контингент». Однако в этих регионах борьба с терроризмом осложняется особенностями поведения местного населения, склонного просто молчать об известных им фактах готовящегося преступления или о собраниях подозрительных людей, вполне могущих оказаться террористами. Индивид утаивает свое мнение, заведомо отличное (как ему кажется) от мнения большинства во избежание дальнейшей социальной изоляции, в силу, скажем традиционных структур каума- синтеза патронажа и клиентелы. При этом он может открыто (с известной поправкой на наличные условия) демонстрировать свою позицию, если идентифицирует себя с большинством. Это делает большинство *иллюзорно* сильнее, а меньшинство слабее. Спираль молчания, таким образом, является одним из проявлений процесса формирования нового социального консенсуса или преобразования старого. Терроризм подкрепляет движущую силу разворачивания этой спирали – страх изоляции – страхом физической расправы, страхом смерти за поддержку иной точки зрения (Sirin, Geva, 2013, s. 709–733). В результате формируются необходимые условия существования терроризма, прежде всего – привычка жить в страхе. Люди видят в насилии возможность не только выжить, но и социализироваться. Они молчат об известных им фактах, свидетельствующих о деятельности террористов, или примыкают к терроризму и бандам, стремясь к социальной интеграции. Это не возврат к природному хаотическому состоянию, а результат культурного травматизма, стремление за счет насилия обрести новые связи, взамен утраченных.

Формирование подобного рода фиксированных установок в психике человека можно объяснить на модели воронки причинности. Ее мегафакторами являются экономические, политические, цивилизационные обстоятельства, в которые человек не всегда может эффективно вписаться в силу их высокой динамичности в современном мире. *Контекстными* факторами этой воронки являются ближайшее окружение субъекта, СМИ, особенности внутренней политики в стране, форма политического лидерства, стратегии лидера и пр. Именно эти факторы, в конечном счете, являются определяющими в формировании ключевых установок психики террориста.

Bibliografia

- «Дiasпоральный терроризм»: репортаж Вероники ПехеМемориальная лекция Зигмунда Баумана в Венском музее 8 апреля 2015 года –т.н. «лекции Яна Паточкиз: www.gefter.ru/thesis» (dostęp 15 kwietnia 2016).
- Armboost A. (2011) *Modelling Terrorism and Political Violence*.

- Atilas Osoria J.M. (2012) Pro-State Violence in Puerto Rico: Cuban and Puerto Rican Right-Wing Terrorism from the 1960 s to the 1990 s, Socialism and Democracy.
- Benjamin W.(2000) Critique de la violence Oeuvres, t.1.
- Brubacker, R. (2004) Ethnicity without Groups. Cambridge MA: Harvard UP.
- Davies D. (2011) Memorial Institute for International Studies.
- Jay M. (2003) Reflections of Violence.
- Kibaroglu M. (2014) The Threat of Nuclear Terrorism Requires Concerted Action, Strategic Analysis.
- Mackerras C. (2014) Xinjiang in 2013: problems and prospects, Asian Ethnicity.
- Sirin, C. V., Geva, N. (2013) Examining the Distinct Effects of Emotive Triggers on Public Reactions to International Terrorism, Terrorism and Political Violence.
- Townes M. (2011) Violence in International Relations. G. Washington UP.
- Агамбен Д. (2011) НОМО SACER: Суверенная власть и голая жизнь пер. с итал., М.
- Алексеев О., Пятигорский А. (1998) Размышляя о политике, Мю Новое издательство, Концена П. (2011) Фанатизм. Психология этого ужасного явления. пер с нем., Харьков.
- Мохаддам Ф.(2011) Терроризм с точки зрения террористов. М. Форум.
- Нозль-Нойман, Э. (1996) Общественное мнение: открытие спирали молчания. М.